

МЫ ПОБЕДИЛИ

рого года мы оказались во Второй Чкаловской военной авиашколе. В первую же ночь нас обокрали. Мы носили наших динирих, из папюсного сукна, артиллерийских шинелей повесили на вешалки просвечивающие, коротенькие шинельки с авиационными эмблемами. Так мы потом и ходили в тихий зимнему. В Чкалове занятия тоже проводились по плану трафику. Кроме паравыстрелы с самолета и навигации, замучила нас «морзянка». По шесть часов занимались ею, наточка вместо зарядки, до и после обеда и на ночь. Так в ушах и звенело «ти-та-ти-та-та-та», и кисти рук болели от работы на клавише.

Не прошло и месяца, приезжает Ворошилов. Вместе с начальником училища они собрали нас, человек двести, из разных артиллерийских училищ, в зале, и маршал, одетый в солдатскую шинель, объявив нам: спускаем вас с небес на землю и возвращаем в полковую артиллерию. Все ранее выпущенные летчики-наблюдатели

погибли, потому что у нас нет надежных и маневренных разведывательных самолетов, таких, как немецкая «рама». Не хотим более напрасно людей терять.

И нас отправили в 25-й запасной артполк, который находился в Гороховских лагерях под Горьким. Вот там мы позанимались полковой артиллерией: как голод и холод. В землянках длиною в сотни метров и с двумя воротами на концах на двухэтажных нарах в два ряда размещалось по тысяче человек. У каждого широченного выхода стояло по пещурке из железной бочки. Печки раскалены докрасна. Утром, когда в пещурках темнело, вылезли пещки, дымялись шинели и мерзли шинели, а в землянке замерзала вода. На двухэтажных, из голях горбылей, нарах, тнувшихся вдоль стен, постеле солома. Мы, человек пять, ложились на эту, перебегую в пылу солому, на правый бок встали друг к другу и накрываемся пылью шинелью. Потом все по команде поворачи-

ваемся на другой бок. Так и вертелись, почти не засыпая, целую ночь.

Среди лейтенантов нашей группы оказался молодой московский артист. Он сразу вошел в контакт с латышскими офицантами, которые обслуживали шесть офицерских столовых. И мы вылетом умударились пойти за завтраком, пять раз обедать и быть голодными, потому что шестьсот граммов хлеба на день получали только в одной столовой, а в остальных хлебаки слегка замунтунную горючую жижу. Большеинтерес солдат и офицеров, обитавших в лагерях, рвали на фронт с единственной целью — поесть, досуга. Некоторые солдаты не выдерживали такой жизни и, стоя ночью с винтовкой на посту, стрелялись.

В конце февраля нашу группу вызвали в Москву, в отряд кадров Московского Военного округа. Там нас распределили по воинским частям. Нас, трое лейтенантов, направили в Коломну, в формировались там 32-ю стрелковую дивизию.

Меня — на должность адьютанта командира 1028 артиллерийского полка. Солдат кормили очень скудно, офицеров не очень посылить, но все равно мы не надевались. И прикупить съестного было негде. Народ жид бедно. Поэтому, когда появлялась первая травка в поле, меня чуть не до смерти наугад мой солдат. Везу взвод строем по полевой дороге на занятия, и вдруг они без всякой команды с моей стороны, как при бомбежке, внезапно бросились врассыпну и стали ползать по траве. Я испугался и не пойму, в чем дело. Оказалось, солдаты увидели на обочине дороги какую-то съедобную траву, и все разом бросились рвать и кушать ее. Все занятия мы проводили без материального обеспечения. Хорошо, что мне пришла в голову мысль: занять в колхозе четыре тележных перека и прихватить к ним поперек поленя. Получались четырехручные батареи. Оглобли служили станциями, а в оружейных столам-поленям пристроили са-

модеальные «прицепады». Все большую подготовку расчетов я проводил на этих «орудиях».

Настоящие гаубицы мы получили в городе Данилове, куда нас перевезли перед самой отправкой на фронт. На них мы потренировались два дня. А первые выстрелы сделали уже по немцам под Ржевом 26 июля сорок второго года. Эти выстрелы чуть не оказались для нас последними.

...Вот так для нас, ленинградских студентов, началось война. Многие из нас после войны не вернулись в стены родного института. Но ценно неизменных усилий, страданий, миссии, голода, страха и крови вместе со своим народом мы выстояли, остановили, а потом и разгромил проклятого врага — немецких фашистов.

Отрывки из книги выпускника П.А.Михина «Война, какой она была».

Материал и фотографии предоставлены Музеем РГГУ им.А.И.Герцена

личности вобралены

ПОЭТЫ ВОЙНЫ

Среди питомцев педагогического института имени А.И.Герцена было немало выпускников, пришедших на верность перу литератора и журналиста. Есть имена более известные, менее известные — имена буквально наперечет.

Вот скажем, профессор-востоковед А.М.Демин, большой знаток Индонезии, Юго-Восточной Азии, умелый популяризатор науки. Вот литературовед и критик А.Эльштейн. Они прошли дорогами войны, военный опыт у многих сформировал их как ученых, литераторов, но прямое, самое непосредственное отражение биографий, в том числе и военных, мы все-таки находим преимущественно у поэтов: Павла Шубина, Леонида Хаустова и Анатолия Чепурова. Если бы у герценовцев не было больше в активе ни одного литератора, то творческой славы названных трех мастеров поэтического слова хватало бы вполне!

В коротком юбилейном материале нет смысла винить во всем биографический материал. Скажем одно со всей уверенностью: поединству на набережной Мойки все трое избрали не случайно, педагогическая и общеобразовательная, особенно полученная в стенах вуза подготовка, ими высоко ценилась, чувство гордости за то, что они герценовцы, их не покидало никогда.

Павла Шубина как самого старшего по возрасту и, конечно, лучше знающего по мне о нем столько рассказывали и Хаустов, и Чепуров, что иногда кажется, что я знал лично и его. Заканчивший пединститут до войны, Шубин неожиданно быстро сам превратился из учителя в учителя, в поэтического наставника, сам стал вести литературные кружки и консультации при Дворце культуры Промкооперации (ныне — ДК имени Ленсовета), при редакции газеты «Смена», при «Стороне пионер», а впоследствии — до окончательного пе-

режда в Москву — в родном институте.

Леонид Хаустов — выпускник незабываемого военно-блокадного досрочного выпуска зимы 1941 года. Он единственный, кто поведal о своем родном институте поэтическим пером: поэма «Опасная сторона», в первую очередь ее строфы, посвященные институтской библиотеке, Госкомиссии по приему выпускных экзаменов, стали подлинно классическими и неповторимыми.

Сколько мне приходилось читать строк воспоминаний о похожих ситуациях, например, о сдаче экзаменов в подвалах, при налете немецких бомбардировщиков, когда преподаватели и студент вынуждены были кричать, чтобы услышать друг друга, все эти факты были по-настоящему познавательны, но такого душевного отклика, как звучание слова Хаустова, не вызывали. Невольно думаешь (в который уже раз) о чудотворности поэтического голоса. Были у Хаустова и стихи об институте, но они по сравнению со строфами поэмы терялись.

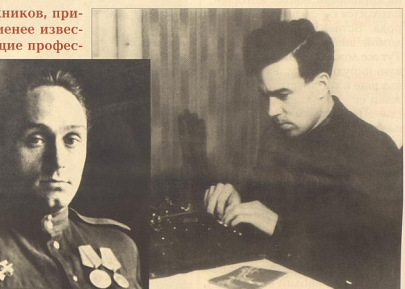
Анатолий Чепуров, до войны не успевший получить высшего образования, вступил в ряды коммунистов, тем более, что учить у него, молодого офицера-фронтовика пошла творческая дика, немало времени и сил отнимала общественная работа в Ленинградском писательской организации (она тогда именовалась Ленинградским отделением Союза писателей СССР), да и тяжелое ранение дало о себе знать.

У него, конечно, контактов со студентами и преподавателями было меньше, но тем не менее самим духом герценовцев он, как мне лично не раз

говаривал, «впитался на всю жизнь». Прежде всего это проявилось в жгучем пристальном интересе к детской литературе, которой он, став уже руководителем с к р е т а р а т а пралажины, уделял неизменно особое внимание и, я бы сказала, относился к ней душевно.

Мне, как его помощнику, не раз приходилось участвовать в подготовке сообщений, докладов, обобщений материалов не только о детской литературе, но и о педагогике, о делах школьных в целом, и я всегда чувствовала искреннее волнение своего старшего товарища: мир детства был ему дорог и близок, хотя собственно педагогом и даже литературным наставником он не стал. В отчаянии от Шубина и Хаустова кружок не вел, индивидуальной постоянной работы с начинающими авторами не проводил, но как критик виню его, тем более, что он сам и в большой радости давал дорогу тем из начинающих, кто был ему особенно близок. Помимо, с каким творческим подъемом он писал предисловие к первому сборнику стихов поэта-рабочего Анатолия Белова, к коллективному сборнику юных художников и поэтов «Первые строки, первые этюды», который мне назначившись готовить в Ленинда-

те. А вот Хаустову довелось (правда, немного) и на чисто учительской ниве потрудиться:

На фото: Павел Шубин (слева), Леонид Хаустов (справа).

после тяжелого ранения на Ленинградском фронте он получил право дольничества в родном селе Новотроицком Кировской области, куда были эвакуированы ленинградские школьники, почти все уже сироты. Юный офицер и педагог был для нас и учителем, и вожатим, и просто старшим братом. Недаром, вернувшись в еще блокадный Ленинград (с огромным трудом уприсл от сделать начальником разного рода), он приступил к работе в Райкомитете именно в детском отделе и тут же организовал лит-кружок при Дворце пионеров.

Среди его учеников тех лет — Юрий Воронов и Олег Шестинский. Оба они говорили мне о несомненном педагогическом даре своего Леонида Ивановича, о том, что остались благодарными ему на всю жизнь за школу, за выучку, за уроки любви к литературе, за постижение мастерства.

Об этих трех поэтах-фронтовиках-герценовцах я не раз писал как критик. Хаустов и Чепуров стали моими героями

в документальном телефильме «Сорок первый наш год призыва...» (фильм, по инициативе режиссера В.Ф.Окунина, был назван этой строкой Чепурова). А сейчас в радиоподкасте «Память сердца» на каждом из трех я поведал в больших радиодиптеродах в составе программы «Город и горожане», которую ведет Елена Воробьева.

Рассказывая и о других героях нашего цикла, мы неизменно обращаем внимание на их образование, воспитание, на их литературную учебу. Были среди них и подлинные самоучки: например, Павел Булудин стал профессиональным журналистом и поэтом, имея за плечами лишь девятилетку домашнего образования? Но, во-первых, тогда отличию учения (было кому учить), а во-вторых, Булудин — на все-таки исключением из общего правила. Все остальные закончили вуз, а то и не один! И все же наши три герценовца стоят в особом ряду — так много дал им педузу на набережной реки Мойки!

Николай СОТНИКОВ